

УДИВИТЕЛЬНАЯ судьба у «анской» оперетты! Едва ли не каждая из ее стран предает нам познакомиться с похождениями прадонистическим графом и бароном, проникнуть в души преуспевающих девиц и вверте, приобщиться к нравам обитателей бродячих цыганских таборов. Словом, окутаны в среду титулованных доблестей или бесчестной блатеми, разделив их кратковременные тревоги и оказавшись свидетелями непременно счастливого финала. Не потому ли и герои таких произведений словно коцуют из одной пьесы в другую, препарились порой в определенные сценические трафареты?

А в то же время венская оперетта классика стала поистине синонимом немеркнущих музыкальных шедевров. Сколько уже поколений зрителей пронесло через свои жизни очарование, подражание неслыханным ариями, дуэтами, танцевальными ритмами, которые сошли с партитур творений выдающихся мастеров музыкальной комедии!

Такую противоречивость не всегда преодолеешь на театральных подмостках.

В репертуаре ростовских классических оперетт представлена довольно педра. И, к месту их, большинство постановок оправдало надежды зрителей. Уже несколько сезонов на зорком зинке «Цыганский барон» — свидетельствовала об умении водного слить силу музыкального, драматического и цинично-развлекательного искусства.

Тихо плещется река, окаянная крутыми косогорами, и душной свет приглушенно играет в раби легких

волн... Смешные и трагические котормы разбрасываются на ее берегах. А над всем этим звучит знаменитая музыка Юганна Штрауса — го брауэрная, то созвонная, то поперизация своей задумчивой теплотой. Как тут не пошлоризировать и режиссеру-постановщику К. Василькову, и дирижеру А. Суперу, и художнику И. Писецкой, и актерам, ороворивающимся нас в зинк романтических образцов!

Кстати, актерских удач

артист КВАСОР В. Чуба-рих на долю которого выпали ведущие партии в той же «Баядера» и в «Роз-Марии». Не жалует комедийных криков для своих персонажей Ю. Марков, выразительный даже в педоблажных характерных ролях Р. Великий, Г. Привалцев, В. Кленберг, и дирижер А. Суперу, и художнику И. Писецкой, и актерам, ороворивающимся нас в зинк романтических образцов!

К сожалению, традиционные рамки опереттового жанра не всегда удается переизобрести исполнителям. Попробуйте не судить, скажем, секретаря циничества инно-

примелькавшейся маски оффониго престофии, или зиндери дакого — стареющего светского зелья» с манерами аристократа и пошлоризировать. Не чем больше пинитесь словник, неслая казаться енисходительным в чудачествах других, тем оченливо становится его собственная духовная опустошенность. Это — уже сатирическое осмысление образа.

А граф Данило, главная пружина действия той же комедии? В триктовке

такля. Даже знаменитая сцена на кассе проходила тузюло, невыразительно.

И вдруг — новая постановка, «Детучал мышья» Штрауса, осуществленная режиссером К. Васильевым. Нет, не только музыка «короля нальев» вызвала приятиельности зрителей. Этот спектакль дает основание говорить о дальнейших поисках выразительных средств, способствующих ещениче-скому перевоплощению актера.

Взять хотя бы заслуженного артиста РСФСР Р. Ростинкина. Его мы видели в «Цыганском бароне», где он вылился протесковую фигуру старой развалины, королевского судьи Корнере, претендующего на руку и сердце юной Арсены. Совсем не похожим на него был Пимпринетти в «Баядера» И. Кальмана, сыгранный тем же актером словно метелью, полхот по залам и лезвием лаваний, обделенный импрессион, не лишенный подобо-

страда, но плавный и себецный. Здесь же, в «Детучал мышья», Р. Ростинкин распрямился совсем в ином направлении, оченно кассерливо проводил лавировку сценку подгу чиншего цыганщины.

Пти М. Войнаровский — та, что в «Цыганском бароне» рисовала зинический образ гордой и страстной цыганки. На сей раз изменились и инстинкты, и манера — перед нами предстала хитрая, кокетливая служанка Адель. А на маскарале, куда тактиком отравилась Адель, ее в самом деле нетрудно было принять за баронессу — настолько усердно вживалась она в облик салонной дамы. И тогда действие пронизывало поистине искрометный юмор.

Стремлением отойти от стандартных амплуа, подкупающей естественности красок отзвучания и постановка оперетты Р. Фримля и Г. Стоггарта «Роз-Мария». Достаточно сказать, что вагланная партия, не лишенная драматизма, была поручена молодой актрисе З. Вербицкой, до этого выступавшей в ролях сугубо комедийных субреток. Дисциплимент удался, игра стояла свежо.

А если прибавить к этому оригинальные эпизоды в масках, начиная с пеструминого мимического пирроуизма в «Детучал мышья» и сцену подполковника в «Роз-Марии», если вспомнить прекрасные хореографические картины, расцветавшие облати спектакля, то нетрудно убедиться, как много нового может внести театр даже в старые оперетты.

Г. КНЯЗЕВ.

©

На сцене — сцена из спектакля «Цыганский барон». В роли графа — М. Войнаровский, в роли баронессы — Г. Барон. Фото И. Конисского.

В ГОСТЯХ У КЛАССИКИ

Гастроли Ростовского-на-Дону театра музыкальной комедии

Здесь оказалось немало. Хорошим показателям даным, помпозитными на сцене чешские обложки, ороворили С. Барон (Баринский), М. Войнаровский (Саффи), заслуженная артистка РСФСР и народная артистка КВАСОР Е. Комарова (Мирабелла) и многие другие участники представления.

Радость встречи с истинным искусством рязанцы испытывали и на следующих спектаклях Ростовского театра. Вызвечает, например, точный голос заслуженной артистки РСФСР и КВАСОР Т. Краусе, исполняющей заглавные роли в «Баядера» и «Веселой вдове»; он одинаково сильно звучит и в ариях, и в танцевальных регистрах. Высокой вокальной культурой отличился заслуженный

земной державы Нечесла в одном спектакле с пошлоризированным фрикитом из Туреттом — в другом. Они схожи, словно брати-близнецы, с той только разницей, что у первого манеры забывчивы, а у второго — чреватоудомия. Хотелось бы видеть во внешнем енисическом поведении актеров больше индивидуальной характеристики, отличающей новоявленную миллионершу Ганну Главири от пещицы серво Одетты Дирмонд или восточного дельца Маддиза от канадского ковбоя Динки.

Незлой сказать, что театр не имеет такой отхода от штампов. Прикмотритесь хотя бы к послу Зетте из «Веселой вдове» в исполнении заслуженного артиста РСФСР А. Ветрова. Вместе

И. Стенришес из пещицы-шито поемы, равнодушно к чужому богатству, он притраивается чуть ли не в обличителя восточной власти деиет, которая гнетет его, раздирает. Тут — оченливо зинка на вторжение и пещициологию человека, казавшегося нам догдо всего лишь бездумным кутилой.

При всем этом «Веселая вдова», пошлоризирнее детинце Ф. Метара, в постановке ростовской музыкальной комедии утратила присущую ей легкость и изящество. Присоединя в глаза и многие формальные мизансцены, и довольно спорные инстинкты в режиссером прочтении пьесы, и кажущиеся неслышными вставными номерами дисертизмента эстрадные танцы, которые не влетаются органично в общую ткань спектакля.

